

DOI: 10.7868/S0321039118020085

ДВА ПОГРЕБЕНИЯ РИМСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В. В. Дорошко¹, Д. В. Журавлев²

¹Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, Россия

²Государственный исторический музей, Москва, Россия

¹E-mail: valentindor@mai.ru, ²E-mail: denzhuravlev@mail.ru

Статья посвящена двум погребальным комплексам, обнаруженным в 1892 г. на южном участке херсонесского некрополя. Более 100 лет материалы из этих комплексов хранились в Государственном историческом музее (Москва), Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург) и Государственном музее-заповеднике «Херсонес Таврический», не привлекая внимания ученых. Судя по двум идентичным портупейным фалерам, речь идет о захоронениях римских военнослужащих. В одну из могил была помещена деревянная шкатулка с накладками в виде золотой монограммы *хи-ро* и серебряных свастик-гаммадионов, аналогов для которой найти не удалось. Наиболее вероятной датой для обоих комплексов можно считать последнюю треть III в. н.э.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Херсонес Таврический, римская армия, некрополь, шкатулка, римское военное снаряжение

TWO GRAVES OF ROMAN SOLDIERS FROM THE NECROPOLIS OF CHERSONESOS TAURICA

Valentin V. Doroshko¹, Denis V. Zhuravlev²

¹State Museum-Preserve “Chersonesos Taurica”, Sevastopol, Russia

²State Historical museum, Moscow, Russia

¹E-mail: valentindor@mai.ru, ²E-mail: denzhuravlev@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, No. 15-31-10168

Данные об авторах. Валентин Валерьевич Дорошко – научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»; Денис Валерьевич Журавлев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 15-31-10168 «Ювелирное искусство Херсонеса Таврического IV в. до н.э. – IV в.н.э.: комплексное исследование (по материалам собрания Государственного исторического музея)». Авторы признательны Д.А. Костромичеву за большую помощь в работе.

Анализ шкатулки и фалер (разделы 1 и 3) выполнен В.В. Дорошко, остальная часть статьи – совместно В.В. Дорошко и Д.В. Журавлевым.

The article is devoted to two grave contexts discovered in 1892 in the southern part of the Chersonesos necropolis. Grave-goods from these contexts have been kept in the State Historical Museum (Moscow), State Hermitage (Saint Petersburg) and State Museum-preserve “Chersonesos Taurica”, without attracting scholarly attention. Two identical *phalerae* show that Roman soldiers were buried in these graves. A wooden casket decorated with gold plaques in the shape of the *chi-rho* (XP) monogram and silver *gammadions* was put in one of the graves. We do not know parallels for this casket. The most probable date for these graves is the last third of the 3rd century AD.

Keywords: Northern Pontic area, Chersonesos Taurica, Roman army, necropolis, casket

О римском военном присутствии в Северном Причерноморье в целом, и в Херсонесе Таврическом в частности, написано немало, в том числе и обобщающих исследований¹. Тем не менее, кропотливая работа в музейных фондах помогает выявить интересные находки, хранящиеся без внимания исследователей уже более сотни лет, позволяющие пролить свет на новые аспекты взаимоотношений Римской империи и Херсонеса.

В 1892 г. при раскопках некрополя Херсонеса Таврического у южной оборонительной стены в могиле 116 К.К. Косцюшко-Валюжиничем был открыт набор металлических деталей из бронзы и серебра, который когда-то украшал деревянную шкатулку. В этом раскопчном сезоне состав находок отличался большим разнообразием, поэтому интересующие нас предметы из могилы 116 специально не публиковались, и сведения о них можно найти только в приложении к Отчету ИАК, в перечне древностей, обнаруженных во время раскопок некрополя у южной городской стены. Описывая инвентарь захоронения, Косцюшко-Валюжинич сообщает: «10 серебр[яных], поврежденных огнем, частей ларчика (наугольников и виноградных листьев), бронз[овая] круглая крышка ажурной работы, с ручкой посередине, 33 граненые бусы из зеленой массы, 2 янтарные бусы и бронз[овая] монета Херсонеса, II-го периода (Бурачков. XVI, 108)»². Части шкатулки и ажурная бронзовая крышка были отправлены Косцюшко-Валюжиничем в Императорскую Археологическую комиссию³, откуда шкатулка и была передана в Императорский Российский Исторический музей⁴.

1. Деревянная шкатулка. Шкатулка уже была нами предварительно опубликована⁵, однако, после издания краткой информации об этой находке, у нас появились новые данные о контексте ее обнаружения, что позволяет представить в новом свете и ее саму, и весь погребальный комплекс в целом.

До недавнего времени из комплекса находок могилы 116 уверенно определялись только детали шкатулки из коллекции Исторического музея⁶ (рис. 1–3). Вместе с набором фрагментов шкатулки в коробке в музее хранится трехлопастный бронзовый наконечник стрелы раннеэллинистического времени неясного происхождения, который, если и происходит из этого комплекса, явно попал в могилу вместе с грунтовой засыпью (рис. 1, 3I). От основы крышки частично сохранились лишь

¹ Zubar' 1994, 1998; Kostromichev 2011.

² Kostsyushko-Valyuzhinich 1894, 106; НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 3. Л. 28.

³ НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 48. Оп. 17, № 89, 96.

⁴ Отношение Императорской Археологической комиссии № 1348 от 24 сентября 1893 г., № 89 по описи К.К. Косцюшко-Валюжинича.

⁵ Doroshko, Zhuravlev 2016, 407–413.

⁶ ГИМ 28740. Оп. Б-117/18.

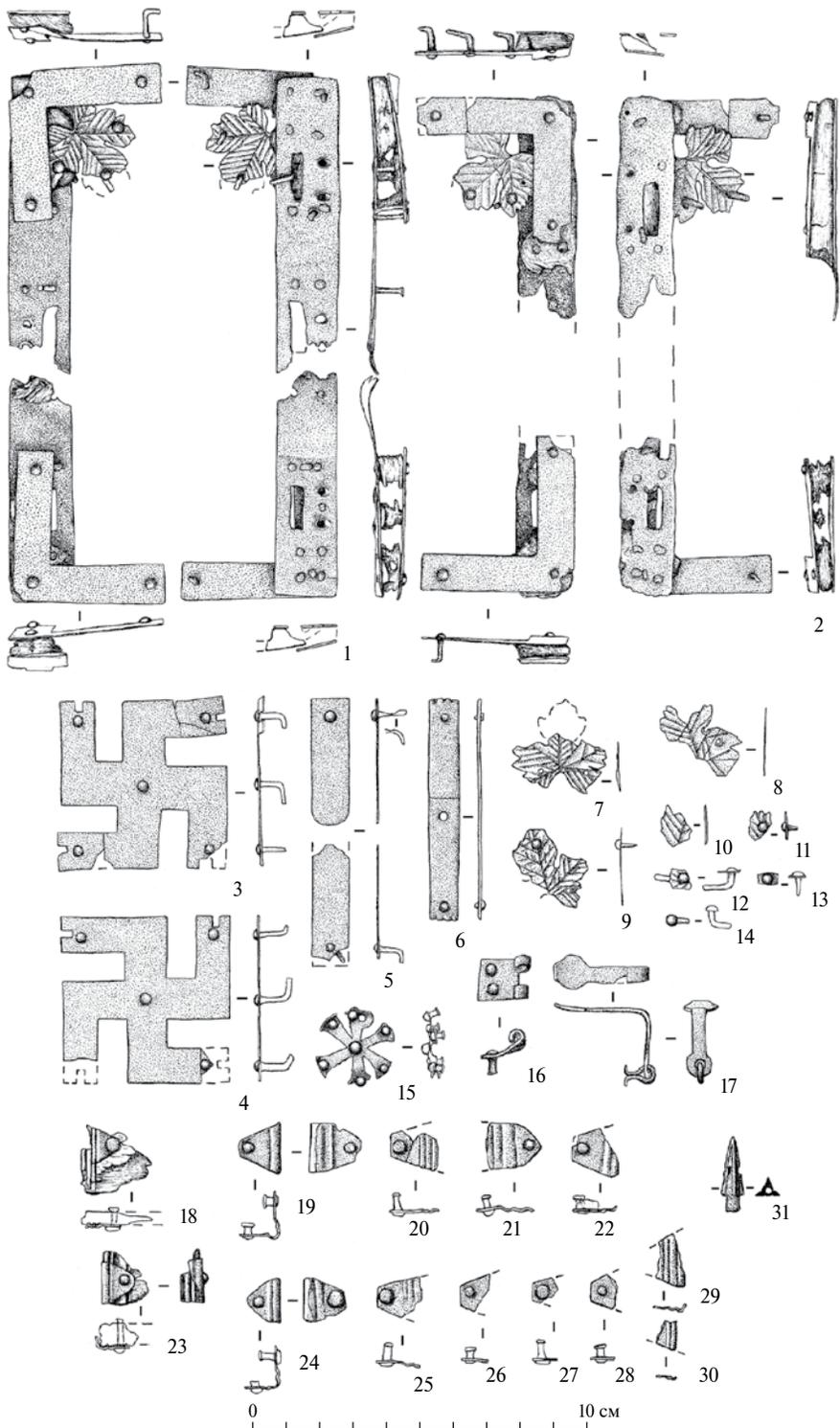

Рис. 1. Детали шкатулки из собрания Государственного исторического музея. Бронза, серебро, золото, дерево (рисунок В.В. Дорошко)

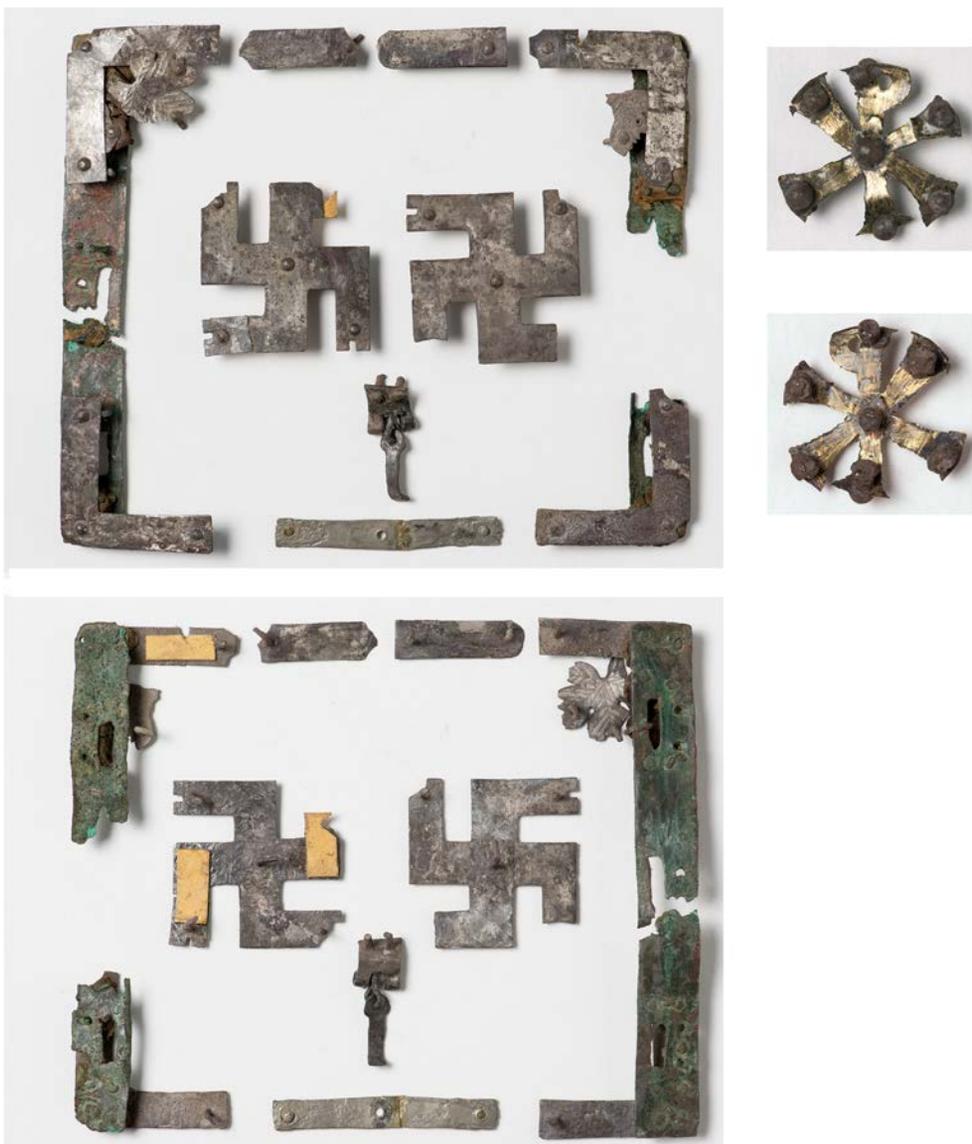

Рис. 2. Детали шкатулки из собрания Государственного исторического музея. Бронза, серебро, золото, дерево; без масштаба (фото И.А. Седенькова)

малочисленные фрагменты деревянной основы, прилегающие к металлическим частям. Тем не менее, можно реконструировать внешний вид крышки шкатулки, а вместе с ним и верхнюю часть короба. Как показало исследование, основа крышки была изготовлена из бронзы (95,05%) с небольшой примесью серебра (3,64%), элементы декора – из высокопробного серебра (97%), а накладка в виде монограммы *xi-po* – из высокопробного золота (90,6%) с примесью серебра (7,7%)⁷.

⁷ Исследование состава металла рентгено-флюоресцентным методом выполнено к.и.н. В.В. Мурашевой в отделе археологических памятников Исторического музея на РФА-анализаторе M1-MISTRAL фирмы Bruker. Приносим благодарность В.В. Мурашевой за помощь в работе.

Благодаря сохранившейся нижней бронзовой обивке двух боковых сторон крышки мы имеем возможность точно определить длину двух противоположных сторон по 15 см (рис. 1, 1–2). Каждая из них 17 бронзовыми гвоздями крепилась к нижней стороне крышки. Вторая пластина сохранилась лишь частично, однако на ее сохранившихся частях прослеживается симметричный порядок расположения гвоздей. Все они расклепаны на каждой из пластин. Серебряными гвоздями фиксировались декоративные элементы внешней стороны крышки, изготовленные из листового серебра. Углы крышки обозначены L-образными наугольниками с тремя заклепками. Во внутренних углах двух из них благодаря сохранившимся фрагментам дерева на своем месте частично сохранились чеканные накладки в виде серебряных виноградных листьев, фиксированные тремя гвоздями, каждый из которых был вбит в деревянную основу и загнут. Остальные сохранились в виде девяти фрагментов и пяти гвоздей (рис. 1, 7–14). Всего же на поверхности крышки шкатулки крепилось минимум пять накладок в виде виноградных листьев. Благодаря сохранившимся фрагментам деревянной основы крышки между серебряными накладками внешней стороны и бронзовыми полосами внутренней хорошо заметно, что поверхность крышки была неровной и имела наклоны ко всем углам (рис. 3). Толщина деревянной основы варьирует от 4–5 мм на углах и до 8 мм в средних частях каждой стороны. Судя по значительной высоте клепок, центральным украшением поля шкатулки служили две прямолинейные свастики из высокопробного серебра (97%), фиксированные пятью заклепками (рис. 1, 3–4). Каждая из накладок имела в ширину и высоту по 5 см. Концы каждого из ее выступов завершаются прямоугольным вырезом. Примечательно, что свастики имеют разное вращение. Две прямоугольные пластины из белого металла могли служить еще одним элементом декора крышки (рис. 1, 5–6). Одна из них, длиной около 7,5 см, сохранилась фрагментарно. Судя по длине двух сохранившихся клепок, она крепилась к тыльной стороне крышки и располагалась между двух угловых накладок. Вторая пластина толще, около 0,8 мм и длиной 6,7 см. В ней частично сохранились две боковые заклепки, центральная же утрачена. Торцы пластины имеют по три насечки. Она, судя по всему, также располагалась между двух угловых накладок и благодаря большей толщине также служила уступом для удобного выдвижения крышки. Сама крышка, очевидно, имела размер 15 × 16,5 см (рис. 3).

Короб шкатулки имел меньше металлических деталей, и единственным его украшением была ажурная накладка в виде монограммы *хи-ро* диаметром 2,5 см из тонкого высокопробного золота (рис. 1, 15; 2, 3–4). Она фиксировалась к деревянной основе семью гвоздями белого металла с полусферическими шляпками. Высота ножек гвоздей не превышает 3 мм, а подвернутые наружу концы хризмы указывают на то, что накладка фиксировалась в круглой выемке, соответствующей ее диаметру. О толщине стенок короба можно судить по угловым скобам и заклепкам из серебра, которые их фиксировали (рис. 1, 18–30). Две сохранились полностью вместе с 2 заклепками в каждой, остальные представлены 11 фрагментами вместе с 9 заклепками, по которым можно судить, что стенки шкатулки были разной толщины – 3,5, 4,5 и 7 мм. На трех скобах сохранились фрагменты деревянной основы, дающие представление о том, что края стенок шкатулки были профилированными.

В наборе деталей присутствует застежка, которая, по нашему мнению, крепилась к передней стенке короба посредством петли с разомкнутыми концами и фиксировалась на крышке зацепом с прорезью, который также сохранился среди деталей шкатулки (рис. 1, 16–17).

Важно отметить, что у шкатулки отсутствует замок и петли для крепления крышки, обычные для большинства находок на территории античного мира. По всей

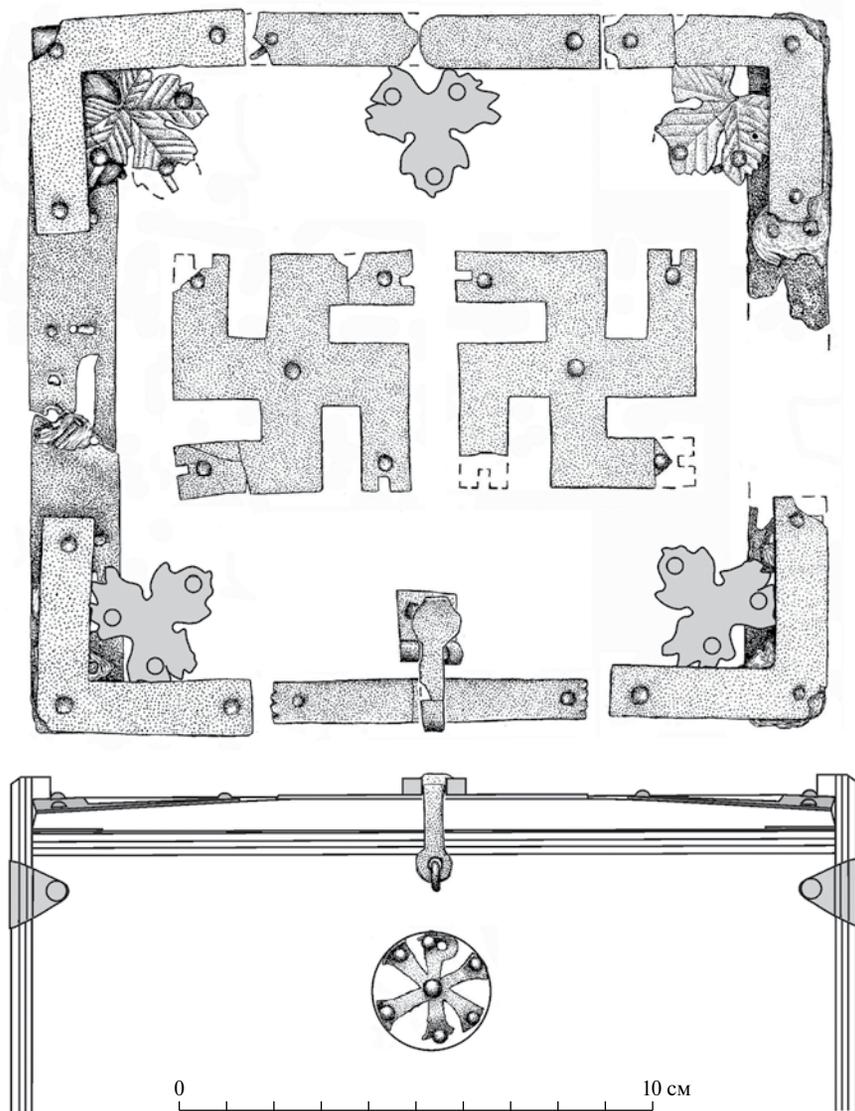

Рис. 3. Реконструкция верхней части шкатулки (рисунок В.В. Дорошко)

видимости, крышка шкатулки была выдвижной подобно устройству сохранившейся шкатулки из Райнау-Бух⁸. Устройство подобных шкатулок воспроизводят и небольшие костяные модели с территории Галлии, использовавшиеся в качестве пиксид⁹.

Из всех известных находок шкатулку выделяет наличие в описанных выше бронзовых полосах прямоугольных вырезом по три в каждой. С наружной стороны крышки у всех вырезом в пластине пробиты по два косых отверстия. В сохранившихся при них частях деревянной основы видны соединяющиеся продолжения вырезом и каналов, идущих от парных отверстий. Говорить определенно о назначении таких устройств пока трудно, но можно предположить, что в прямоугольный вырез,

⁸ Riha 2001, Abb. 5.

⁹ Feugère, Prévot 2008, fig. 6.

а затем в каналы продевались концы шнура, каждый из которых потом не вынимался и применялся для опечатывания восковых пломб, распространенных в римском мире¹⁰. Надо полагать, в таком случае в стенках короба шкатулки были совпадающие отверстия для вывода шнурков наружу и опечатывания пломб на них, максимальное число которых, соответственно, достигало шести.

При датировке публикуемой шкатулки, точных аналогий которой нам пока найти не удалось, необходимо учитывать данные нумизматики.

Как уже отмечалось выше, из могилы происходит монета периода второй элевтерии. Аналогичной монете из каталога П.О. Бурачкова, на которую в описи находок дает ссылку К.К. Косцюшко-Валюжинич¹¹, соответствует монета № 253 каталога В.А. Анохина¹², относящаяся к выпуску около 138–161 гг. Та же датировка для соответствующей группы монет дана Е.Я. Туровским и В.М. Горбатовым¹³.

2. *Семантика символов на крышке шкатулки.* Обратимся к анализу семантики символов, размещенных на крышке и коробе шкатулки. Главным символом, несомненно, является золотая монограмма *хи-ро*. На первый взгляд, ее следует рассматривать как христограмму, что может указывать на более позднее происхождение находки и ее связь с христианским культом. Однако совершенный обряд захоронения в могиле 116 свидетельствует об обратном (наличие погребального инвентаря, следы огня на шкатулке). Монограмма *хи-ро* известна еще с эллинистического времени по знакам монетариев¹⁴. В эпиграфике Херсонеса этот символ встречается дважды в греческих текстах: в знаменитой переписке городской общины с нижнемезийским наместником по поводу проституционной подати¹⁵ (рис. 4, 4) и в двух фрагментах строительной надписи второй половины II в. из северо-восточного района городища¹⁶. Еще А. Домашевский на примере других надписей и папирусов убедительно показал, что знак хризмы в херсонесской переписке обозначает центуриона¹⁷. К такому же выводу пришел и И.А. Макаров при изучении текста фрагментированной строительной надписи¹⁸. Как известно, Херсонесская переписка с нижнемезийским наместником датируется концом II в. н.э.¹⁹

Знак свастики, или *гаммадион* ($\gamma\alpha\mu\mu\alpha\delta\iota\omicron\nu$), имеет более древнее происхождение и очень широкое распространение²⁰, поэтому в поле нашего внимания

¹⁰ Furger, Wartmann, Riha 2009, 17–23.

¹¹ Burachkov 1884, табл. XVI, 108.

¹² Anokhin 1977, 152, табл. XVII, 253.

¹³ Turovskiy, Gorbatov 2013, 126, № 321.

¹⁴ Приведем лишь краткий перечень некоторых монет с подобной монограммой: тетрадрахма типа Александра Великого («постумная»), Месембрия, около 250 – около 175 г. до н.э. (Price 1991, № 1023); тетрадрахма Деметрия I, 152/1 г. до н.э., Антиохия на Оронте (Houghton *et al.* 2008, No. 1641.6h, 1641.8a); драхма Деметрия I, 152/1 г. до н.э., Антиохия на Оронте (*ibid.*, No. 1642.3e); тетрадрахма Антиоха VI, 144/3 г. до н.э., Антиохия на Оронте (*ibid.*, No. 2000.3d, 2000.5); драхма Антиоха VI, 145/4 г. до н.э., Апамея на Оронте (*ibid.*, No. 2011.1g, 2011.2a); бронзовый номинал, Птолемей III (Poole 1888, No. 87f). Мы признательны научному сотруднику отдела нумизматики Государственного исторического музея Е.В. Захарову за консультацию.

¹⁵ *IOSPE* I² 404.

¹⁶ Makarov 2010, 63–70.

¹⁷ *CIL* III. Suppl. 2243–2245, No. 13750.

¹⁸ Makarov 2010, 64.

¹⁹ Solomonik 1983, 27.

²⁰ Wilson 1896, 763, 771.

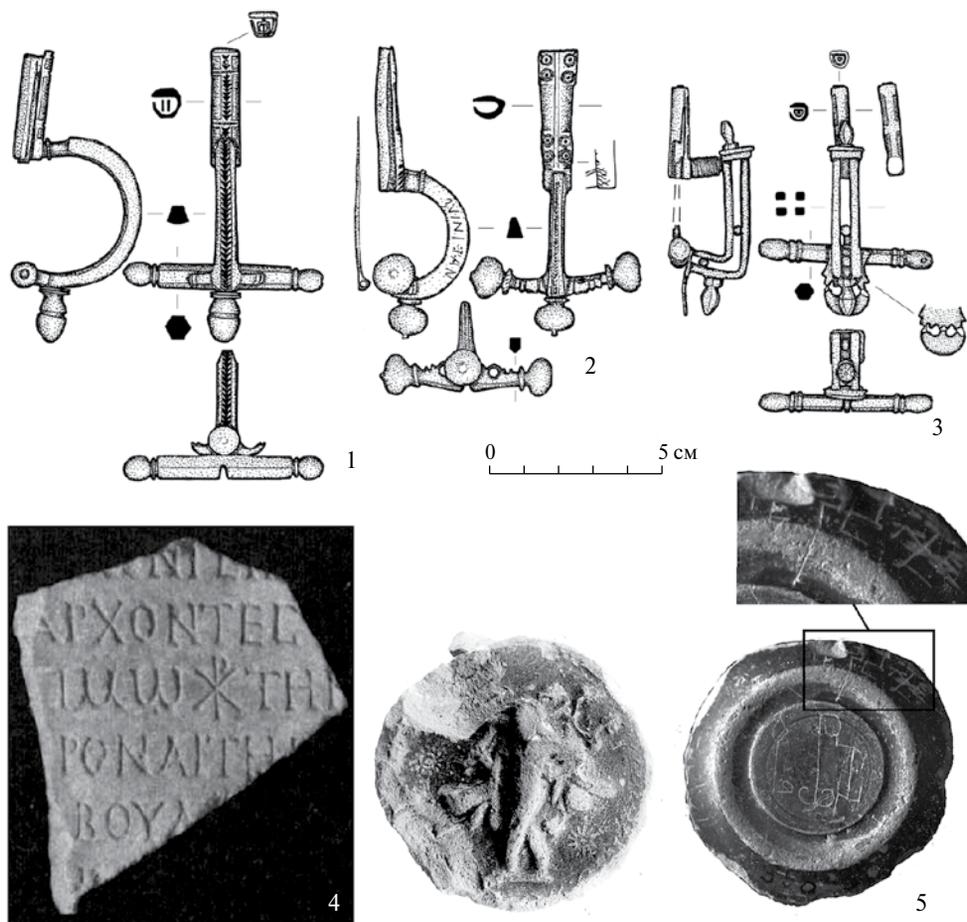

Рис. 4. 1–3 – фибулы из раскопок некрополя Херсонеса 1892 г. 1, 3 – серебро, 2 – бронза. Государственный Эрмитаж (по: Kostromichev 2012); 4 – фрагмент переписки о проституционной подати *IOSPE I² 404* (по: Solomonik 1983, без масштаба); 5 – фрагмент донца краснолакового сосуда. Херсонес, раскопки 1937 г. (НА ГМЗ ХТ, Нег. 4912, без масштаба)

попадают только наиболее близкие по форме знаки римского времени, а именно щитковые шарнирные фибулы в виде свастики с торцевыми вырезами на конце, которые находят в местах дислокации римских войск на Рейне и Дунае²¹, а также в Сирии²², относящиеся к концу II–III в.²³ О популярности знака свастики в среде римских солдат можно судить не только по находкам фибул из римского пограничья. Известен этот знак в декоре рукоятей римских кинжалов еще в I в.²⁴ В дальнейшем, особенно в III в., он все чаще встречается и на остальных элементах римской воинской амуниции, таких как портупейные фалеры²⁵ и поясные

²¹ Böhme 1972, Taf. 30, 1179–1184; Winter 1982, Taf. 1, 1, 3–5; 2, 7; 4, 22, 23; Schleiermacher 1993, Taf. 21, 271.

²² James 2004, fig. 29, e.

²³ Böhme 1972, 46.

²⁴ Obmann 2000, Taf. 30, 4; 32, 2,3.

²⁵ Vuyovich 2003, 216, T. I, 6; James 2004, fig. 36, 26.

накладки²⁶; на единственном дошедшем до нас от периода I–III вв. легионном щите из Дура-Европос отображены четыре свастики²⁷. Известен этот знак на рукояти меча²⁸, также его можно встретить в узоре набивки обувных гвоздей²⁹. Судя по изображениям на мозаиках и фресках, знак свастики размещался на плащах и туниках римских военнослужащих и в дальнейшем, на протяжении начала — третьей четверти IV в. н.э.³⁰ Отметим находку в легионном лагере Нове черепичного клейма, в поле которого помещены имя I Италийского легиона и свастика, датированного временем около середины III в. н.э.³¹ Как известно, в рассматриваемое время солдаты именно этого легиона составляли гарнизон Херсонеса³².

В данном отношении Таврика не была исключением: в местах дислокации римского гарнизона, в так называемой «цитадели» Херсонеса и крепости Харакс, были обнаружены фибулы в виде расходящихся от центра четырех конских голов, образующих свастику³³. Еще одна неопубликованная фибула в виде свастики из раскопок Харакса ныне экспонируется в витрине Ялтинского историко-литературного музея³⁴. Из могильника Дружное происходит фрагментированная ажурная фалера римской портупей в виде стилизованной свастики³⁵. Встречается этот знак в виде граффити на краснолаковой керамике из Херсонеса, судя по находке в 1937 г. дна открытого краснолакового сосуда с рельефным изображением на внутренней стороне и процарапанными граффити с наружной³⁶. На внутренней стороны донца представлено изображение шагающей мужской фигуры влево³⁷. Эта находка была

²⁶ Nicolay 2005, pl. 80, 222.116.

²⁷ James 2004, pl. 10.

²⁸ Bishop, Coulston 1993, fig. 87.

²⁹ Göpfrich 1986, Taf. 44, 101; 45, 110.

³⁰ Sumner 2003, 19, 21, 22; Frova 1943, fig. 10.

³¹ Ivanov 2006, 169, обр. 64.

³² Vinogradov, Zubar', Antonova 1999.

³³ Zubar' 1994, 89, рис. 32, 2; Kostromichev 2012, 69, 70, табл. 3, 4I; Masyakin, Turova 2015, 285, рис. 1, I.

³⁴ МКУК «ЯИЛМ», КП 64276 АЗ–6741. Благодарим Н.П. Турову за информацию.

³⁵ Masyakin 2007, рис. 4, 10.

³⁶ Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический», инв. № 35896/126. Раскопки Г.Д. Белова в XV квартале Херсонеса, помещение 1, слой 3. Благодарим О.П. Дорошко за информацию.

³⁷ Несмотря на то, что анализ рельефного изображения на краснолаковом сосуде не имеет прямого отношения к теме нашей статьи, позволим себе краткий комментарий. Идентифицировать по данной архивной фотографии представленную на рельефе фигуру непросто. Е.М. Штаерман видела в правой руке персонажа виноградную лозу и трактовала его как «некое божество растительности, связанное также с соляными культурами», датировав III–IV вв. н.э. (Shterman 1950, 113). Нам представляется, что на этом изображении мог быть представлен Эрот. Из коллекции А.С. Уварова происходит чаша позднеэллинистического времени, изготовленная в пергамской традиции (Zhuravlev 2014, 148–149, fig. 19–20; 2015a, 206–207, рис. 19–20) с рельефным изображением Эрота как с внутренней, так и с внешней стороны донца. Интересно, что изображения идущего Эрота (правда, вправо) присутствует на целой серии херсонесских светильников III–IV вв. аттического производства (Waldhauer 1914, № 477–479; Chrzanovski, Zhuravlev 1998, 125–126, № 68). Общий абрис изображения фигуры на публикуемом краснолаковом фрагменте близок, хотя и зеркален. Фрагмент бронзовой фигурки Эрота в движении (вторично использованный атташ сосуда?) был найден в некрополе Бельбек IV (Zhuravlev 2015b, рис. 1, 2; 2, 2; Gushchina, Zhuravlev 2016, табл. 158, 1I; 256, 1). И, наконец, фрагмент блюда неизвестного центра производства из Пантикапея, также содержит фигурку идущего Эрота (?)

издана в статье Е.М. Штаерман о «загадочных знаках» Северного Причерноморья³⁸, однако на опубликованном фото по вполне объяснимым причинам (статья опубликована в 1950 г., всего через пять лет после завершения войны) с наружной стороны сохранившейся стенки сосуда были заретушированы три процарапанные свастики. Это подтверждает сохранившийся в архиве Херсонесского музея негатив, на котором они отчетливо видны³⁹ (рис. 4, 5). Впрочем, в описании Е.М. Штаерман упомянуты «солярные» знаки по краю фрагмента⁴⁰. Сам фрагмент донца сосуда в настоящее время в музее-заповеднике «Херсонес Таврический» отсутствует и, возможно, был передан в Государственный Эрмитаж. Граффити в виде свастики известны и на краснолаковой керамике из раскопки некрополя Усть-Альминского городища, жители которого были связаны торговыми отношениями с Херсонесом⁴¹.

3. *Бронзовые портупейные фалеры*. В процессе исследования интригующим оставался вопрос о том, какой предмет описан как «бронзовая круглая крышка ажурной работы, с ручкой посередине». При обращении к описи древностей⁴² выясняется, что такая же «крышка» диаметром 4 дюйма (10,1 см) была обнаружена в погребении 223 в том же 1892 г. Одну из находок К.К. Косцюшко-Валюжинич оставил при «Складе местных древностей», а вторую отправил в Императорскую археологическую комиссию. Под это описание в коллекции музея-заповедника «Херсонес Таврический» из раскопок Косцюшко-Валюжинича подходила только одна вещь – уже опубликованная Д.А. Костромичевым римская ажурная портупейная фалера⁴³, диаметр которой до миллиметра соответствует интересующим нас «крышкам»⁴⁴ (рис. 5, 1). Примечательно, что в ажурном декоре портупейной накладки используется мотив с четырьмя свастиками, включенный в сложную композицию из пельтавидных знаков. Была ли это одна из двух находок, сказать можно было только после изучения второй. В архиве ИИМК РАН сохранилась составленная Косцюшко-Валюжиничем опись предметов, переданных в Императорскую Археологическую комиссию, в которой присутствовали карандашные отметки о дальнейшем распределении находок из могилы 116 по музеям⁴⁵. Вторая «крышка» поступила в «средневековое отделение» Эрмитажа, что также подтвердилось по описи предметов, переданных туда⁴⁶. Знакомство с этой находкой⁴⁷ (рис. 5, 2) в фондах Отдела Востока Государственного Эрмитажа не оставило сомнений в сделанном ранее предположении – перед нами две идентичные римские портупейные фалеры⁴⁸. Их диски, диаметром 10,1 см, по всей видимости, были изготовлены в одной литейной форме. Разница между находками состоит в длине приклепанных петель и наличии двух концентрических кругов по краю той, которую Косцюшко-Валюжинич передал в Археологическую комиссию.

(Zhuravlev 2002, 254, fig. 11). Датировку херсонесского фрагмента с граффити в виде свастики, на наш взгляд, можно ограничить второй половиной II – III в. н.э.

³⁸ Shtaerman 1950, 113, 114, рис. 1.

³⁹ НА ГМЗ ХТ. Ф. 2. Нег. 4912.

⁴⁰ Shtaerman 1950, 113.

⁴¹ Puzdrovskiy 1997, 17–173, рис. 3, 1; 2011, рис. 2, 8, 10.

⁴² НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 48. Оп. 17, № 96.

⁴³ Kostromichev 2011, 73, рис. 30, 1.

⁴⁴ ХМ КП-5936.

⁴⁵ Архив ИИМК. Ф. 1. Д. № 10. Оп. 49. Инв. 93/17. № 52. Л. 46.

⁴⁶ Архив ИИМК. Ф. 1. Д. № 10. Оп. 49. Инв. 93/17. № 52. Л. 180 об.

⁴⁷ ГЭ. Отдел Востока. Инв. № 0.49. X. 52.

⁴⁸ Выражаем признательность хранителям Государственного Эрмитажа В.Н. Залеской и Ю.Ю. Пиотровскому за возможность работать с этой находкой.

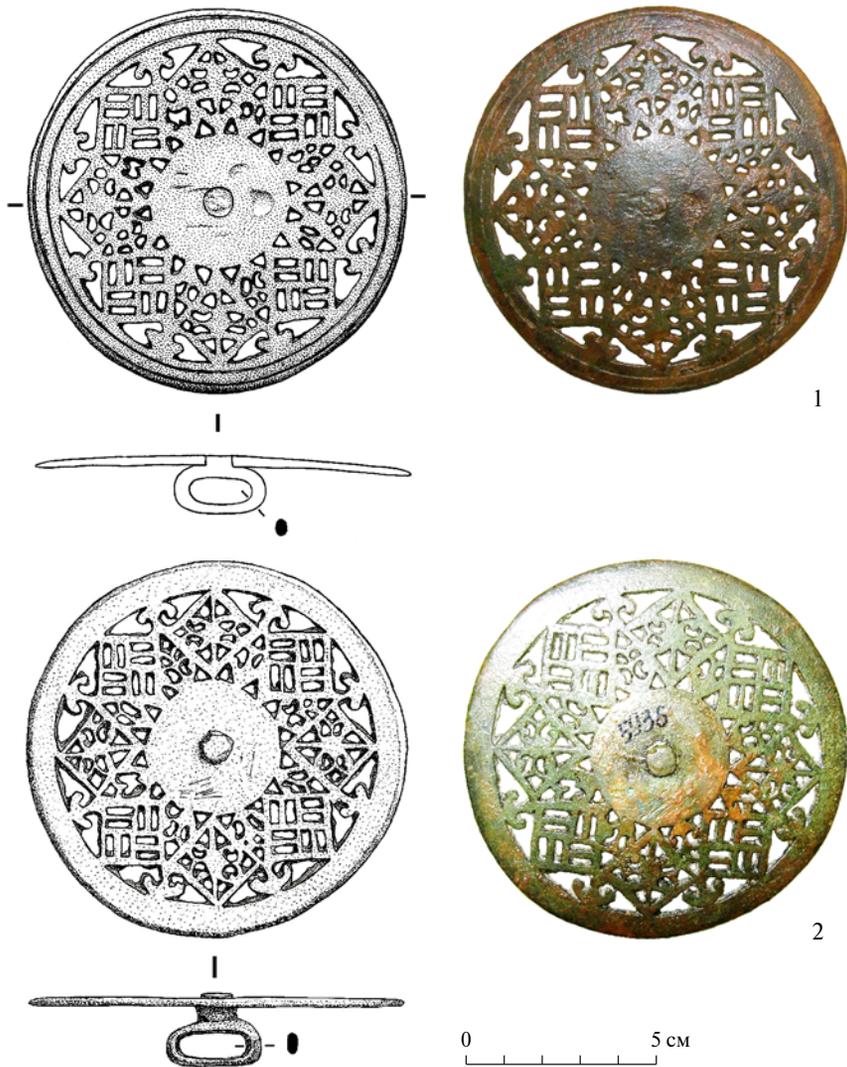

Рис. 5. Портупейные фалеры из раскопок 1892 г. Бронза. 1 – Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»; 2 – Государственный Эрмитаж (рисунки и фото В.В. Дорошко)

Также находка из коллекции Государственного Эрмитажа отличается немного выпуклым диском, что было сделано уже после отливки изделия. Таким образом, факт использования знака свастики не только в декоре шкатулки, но и в ажурном узоре портупейной накладки свидетельствует об особом отношении к нему владельца, связанного с римской армией.

Подобные фалеры появляются в римской армии к концу II столетия н.э., судя по находке из погребения в Лионе, совершенного в 197 г.⁴⁹, и бытовали в течение всего III в.⁵⁰ Судя по находкам из Вимозе и рельефным изображениям⁵¹, их применяли

⁴⁹ Bishop, Coulston 1993, 135, fig. 92.

⁵⁰ Oldenstein 1977, 226–334.

⁵¹ Bishop, Coulston 1993, fig. 12, 94.

для подвязывания узкой части портупей, на которой подвешивался меч в ножнах. Для этого фалеру центральной петлей вдевали в прорезь широкой части портупей ближе к окончанию. Другой ее конец сужался, и крест-накрест через скобу перехватывал ножны меча. Оставшийся свободный конец подвязывался к петле фалеры.

К сожалению, описанные Косцюшко-Валюжиничем в его кратком отчете «33 граненые бусы из зеленой массы» и «2 янтарные бусы» к настоящему моменту утрачены или депаспортизованы.

Поскольку в комплексе могилы 223 присутствует однотипная с находкой из могилы 116 портупейная фалера, то следует предполагать, что оба погребения были совершены с небольшим интервалом времени. К этому же добавим, что оба погребения территориально близки и обнаружены на одном участке раскопок некрополя в 1892 г. на площади в 279 квадратных сажень⁵². В комплексе могилы 223, согласно отчету Косцюшко-Валюжинича присутствовали следующие предметы: «Глин[яный] кувшин, глин[яная] чашечка, бронз. пряжка, серебр[яная] фибула (подобная бронзовым, найденным в гробницах № 153 и 177), бронз. круглая крышка ажурной работы, с ручкой посередине (совершенно схожая с найденной в гробнице № 116) и бронз. монета Херсонеса, II-го периода (Бурачков, XVI, 110)»⁵³. Примечательно, что, как и в могиле 116, здесь присутствовала монета времени так называемой «второй элевтерии».

Согласно описи, составленной Косцюшко-Валюжиничем, из раскопок херсонесского некрополя в Археологическую комиссию были переданы две серебряные фибулы: одна из насыпи некрополя и вторая – интересующая нас из могилы 223. Вместе с ними была передана бронзовая фибула из погребения 153 (рис. 4, 2), сходство с которой Косцюшко-Валюжинич отмечал, относительно фибулы из погребения 223. Серебряная фибула из насыпи некрополя, как отмечает исследователь, была «иной формы»⁵⁴.

Все три перечисленные фибулы из раскопок 1892 г. уже введены в научный оборот Д.А. Костромичевым⁵⁵ (рис. 4, 1–3). Однако, описывая две серебряные фибулы, ученый указывает на их происхождение из насыпи некрополя. По всей видимости, такую локализацию находок следует рассматривать как ошибку составителей картотеки Отдела Востока Государственного Эрмитажа, которую использовал Д.А. Костромичев. При визуальном сравнении хорошо заметно, что схожей с бронзовой фибулой из погребения 153 должна быть фибула под номером 75 каталога римских фибул из Херсонеса (рис. 4, 1). Именно ее с большой долей вероятности следует отождествлять с найденной в погребении 223. Д.А. Костромичев указывает, что 2-й тип серебряных фибул появляется в 260-х годах и бытует до рубежа III–IV вв.⁵⁶ Эту же дату можно считать наиболее вероятной для комплексов могил 116 и 223, датировка которых вряд ли выходит за пределы III в. На это косвенно указывает факт находки в обоих погребениях херсонесских монет, отчеканенных еще в период так называемой «второй элевтерии». Не противоречит этому приведенная выше дата портупейных фалер.

4. Заключение. Суммируя сказанное, отметим, что мы имеем дело с интереснейшим погребальным комплексом, в котором покоились останки римского военнослужащего, возможно даже в ранге центуриона. Описанная выше шкатулка могла использоваться им для хранения документации, учитывая возможность ее опечатывания. По

⁵² Kotsyushko-Valyuzhinich 1894, 101.

⁵³ Kotsyushko-Valyuzhinich 1894, 113.

⁵⁴ НА ГМЗ ХТ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 48, № 99.

⁵⁵ Kostromichev 2012, 86, 89, 99, № 75, 78, 97.

⁵⁶ Kostromichev 2012, 94.

данным ряда надписей из Херсонеса и его окружи известно о том, что во главе римских войск, расквартированных в Таврике в середине – второй половине II в. н.э., были трибуны I Италийского легиона⁵⁷. В конце первой четверти III в. римлянами в Таврике были утрачены почти все позиции за исключением Херсонеса и, возможно, крепости Харакс, что отразилось на численном составе войск. Об этом свидетельствует надпись 250 г. н.э. из римской «цитадели» Херсонеса, где в это время препозитом римских войск был Марк Ратин Сатурнин, центурион I Италийского легиона. Выводился ли римский гарнизон после сокрушительного поражения римлян при Абрите (251 г.) – неизвестно. Возможно, до времени тетрархии здесь по-прежнему пребывал небольшой римский гарнизон⁵⁸. Было бы заманчиво полагать, что одному из центурионов, стоявшему во главе херсонесского гарнизона, и принадлежала публикуемая нами шкатулка. Впоследствии ее использовали в погребальном ритуале, во время которого она и была намеренно сломана. Надеемся, что установление точных аналогий для этой, без сомнения, уникальной шкатулки позволит подтвердить или опровергнуть сказанное.

Стоит остановиться и на погребальном обряде могилы 116. В лаконичном описании ОАК за 1892 г. могила 116 не упоминается в перечне тех, которые были разграблены или где обнаружены деформированные черепа, урны или пережженные кости⁵⁹. Тем не менее К.К. Косцюшко-Валюжинич пишет о следах огня на шкатулке, обнаружить которые сегодня не представляется возможным – не исключено, что они пропали в ходе реставрационных работ. Как известно, кремации были характерны для погребальной практики римских военнослужащих, в том числе и в Херсонесе Таврическом⁶⁰. Отчетливо видно, что крышка шкатулки имеет деформацию из-за удара сверху, из-за чего переломилась одна из бронзовых пластин обивки, а один из гвоздей загнулся у места слома и придавлен к ней. Возможно, имело место целенаправленное разрушение предмета. К этому же прибавим положение уже упомянутых вещей в могилу.

Таким образом, вводимые нами в научный оборот комплексы могил 116 и 223 херсонесского некрополя, материалы которых оказались разделены между Государственным историческим музеем в Москве, Государственным Эрмитажем в Санкт-Петербурге и Государственным музеем-заповедником «Херсонес Таврический» в Севастополе и до сего момента не привлекали внимания специалистов, являются еще одним важным источником по изучению римского воинского присутствия в Херсонесе Таврическом.

Литература / References

- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [Coinage of Chersonesos (4th cent. BC – 12th cent. AD)]. Kiev.
- Анохин, В.А. *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. Киев.
- Bishop, M.C., Coulston, J.C.N., 1993: *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. London.
- Böhme, A., 1972: Die Fibeln der Kastelle Saalburg und Zugmantel. *Saalburg Jahrbuch* 29, 5–112.
- Burachkov, P.O. 1884: *Obshchiy catalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniyam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo morya*. Ch. 1. [General Catalog of Coins Belonging to the Hellenic Colonies Existing in Antiquity on the North Black Sea Coast. Part 1]. Odessa.

⁵⁷ *IOSPE* I² 404, 417; *CIL* VIII 619; Saprykin, D'yachkov 1999; Sarnowski, Savelya 2000, 93–95, № 23, 24.

⁵⁸ Kostromichev 2011, 120, 121.

⁵⁹ Kostsyushko-Valyuzhinich 1894, 20.

⁶⁰ Kostromichev 2004, 106, 107.

- Бурачков, П.О. *Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря*. Ч. 1. Одесса.
- Chrzanowski, L., Zhuravlev, D., 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum* (Studia archaeologica, 94). Roma.
- Doroshko, V.V., Zhuravlev, D.V. 2016: [Unique casket from the necropolis of Tauric Chersonesos]. In: V. Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezh-dunarodnogo Kruglogo stola 22–25 noyabrya 2016 g.* [Bosporan Elite and its Culture. Papers of International Round Table, November 22–25, 2016]. Saint Petersburg, 407–413.
- Дорошко, В.В., Журавлев, Д.В. Редкая шкатулка из некрополя Херсонеса Таврического. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола 22–25 ноября 2016 г.* СПб., 407–413.
- Feugère, M., Prévot, P. 2008: Les matières dures animales (os, bois de cerf et ivoire) dans la vallée de l'Hérault: production et consommation. In: I. Bertrand (dir.), *Le travail de l'os, du bois de cerf et de la corne à l'époque romaine: un artisanat en marge?* (Monographies Instrumentum 34). Montagnac, 231–268.
- Frova, A., 1943: *Pittura romana in Bulgaria*. Roma.
- Furger, A.R., Wartmann, M., Riha, E., 2009: Die römischen Siegelkapseln aus Augusta Raurica. *Forschungen in Augst* 44, 17–23.
- Göpfrich, J. 1986: Römische Lederfunde aus Mainz. *Saalburg Jahrbuch* 42, 5–67.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016: *Nekropol rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [Bel'bek IV – Necropolis of the Roman Period in the South-Western Crimea]. Moscow.
- Гушина, И.И., Журавлев, Д.В. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. М.
- Houghton, A., Lorber, C., Hoover, O. 2008: *Seleucid Coins (A Comprehensive Catalogue. Part. 2. Seleucus IV through Antiochus XIII*. Vol. 1–II). Lancaster–London.
- Ivanov, R. 2006: [Construction ceramics from the Lower reaches of the Danube]. *Arkheologiya na Bolgarskite zemi* [Archaeology of the Bulgarian lands] 2, 125–208.
- Иванов, Р. Строительная керамика от Долния Дунав. *Археология на Българските земи* 2, 125–208.
- James, S. 2004: *Excavations at Dura Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937 (Final Report VII: The Arms and Armour and other Military Equipment)*. London.
- Kostromichev, D.A. 2004: [Three burials of Roman soldiers from the necropolis of Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology and Ethnography of Tauria] XI, 94–118.
- Костромичев, Д.А. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса. *МАИЭТ* XI, 94–118.
- Kostromichev, D.A. 2011: [Roman military presence in Chersonesos in early 1st – first half of 5th century (by archaeological evidence)]. *Stratum plus* 4, 15–164.
- Костромичев, Д.А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V в. (по данным археологии). *Stratum plus* 4, 15–164.
- Kostromichev, D.A. 2012: [Roman brooches in Chersonesos]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesian Studies] XVIII, 47–154.
- Костромичев, Д.А. Римские фибулы Херсонеса. *ХСб*. XVIII, 47–154.
- Kostsyushko-Valyuzhinich, K.K. 1894: [Excavations in Chersonesos]. *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1892 g.* [Report of Imperial Archaeological commission in 1892], 13–27.
- Косцюшко-Валюжинич, К.К. Раскопки в Херсонесе. *ОАК за 1892 г.*, 13–27.
- Maكارov, I.A. 2010: [New epigraphic data on Roman military presence in Taurica]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 60–71.
- Макаров, И.А. Новые эпиграфические данные о римском военном присутствии в Таврике. *ВДИ* 3, 60–71.
- Masyakin, V.V. 2007: [Roman broochs and details of belt equipment from the necropolis of Zavetnoe]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika* [Antient Taurica]. Simferopol, 125–138.
- Масякин, В.В. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика*. Симферополь, 125–138.
- Masyakin, V.V., Turova N.P. 2015: [Forgotten collection from Charaks excavations]. In: V.G. Rudnitskaya, I.B. Teslenko (eds.), *Terra Alustiana MMXI*. Simferopol, 279–288.
- Масякин, В.В., Турова, Н.П. Забытая коллекция из раскопок Харакса. В сб.: В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко (ред.), *Terra Alustiana MMXI*. Симферополь, 279–288.
- Nicolay, J. 2005: *Gewapende Bataven. Gebruik en betekenis van wapen- en paardentuig uit niet-militaire contexten in de Rijndelta (50 voor tot 450 na Chr.)*. Amsterdam.
- Obmann, J. 2000: *Studien zu römischen Dolchscheiden des 1. Jahrhunderts n. Chr. Archäologische Zeugnisse und bildliche Überlieferung* (Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen. Band 4). Leidorf.

- Oldenstein, J. 1977: *Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten: Studien zu Beschlägen und Zierat an der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr.* (Bericht der Römisch-Germanische Kommission, 57). Mainz am Rhein.
- Poole, R.S. 1888: *A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies, Kings of Egypt*. London.
- Price, M.J. 1991: *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus*. Vol. I–II. Zürich–London.
- Puzdrovskiy, A.E. 1997: [Graffiti on red-sleep pottery from the excavations of the Ust-Alma cemetery in 1993–1995]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Bakhchisaraykiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik*. Вып. 1 [*Bakhchisaray Historical and Archaeological Studies*. Issue 1]. Simferopol, 167–180.
- Пуздоровский, А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 1. Симферополь, 167–180.
- Puzdrovskiy, A.E. 2011: [Graffiti on red-sleep pottery from the cemeteries of Crimean Scythia]. In: M. Yu. Vakhtina et al. (eds.), *Bosporskiy fenomen: Naselenie, yazyki, kontakty: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [*The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Population, Languages, Contacts. Proceedings of International Conference*]. Saint Petersburg, 373–381.
- Пуздоровский, А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии. В сб.: М.Ю. Вахтина и др. (ред.), *Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции*. СПб., 373–381.
- Riha, E. 2001: *Kästchen, Truhen, Tische – Möbelteile aus Augusta Raurica*. (Forshungen in Augst. Vol. 31). Augst.
- Saprykin, S. Yu., D'yachkov, S.V. 1999: [The new Roman altar from Chersonesos]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 71–78.
- Сапрыкин, С.Ю., Дьячков, С.В. Новый римский алтарь из Херсонеса. *ВДИ* 4, 71–78.
- Sarnowski, T., Savelya, O. Ya. 2000: *Balaklava. Rimskaaya voennaya baza i svyatilishche Yupitera Dolichena* [*Balaklava. The Roman military base and sanctuary of Jupiter Dolichenus*. Warsaw]. Warsaw.
- Сарновски, Т., Савеля, О.Я. *Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. Warsaw.
- Shtaerman, E.M. 1950: [About mysterious signs of North Black Sea area]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 112–115.
- Штаерман, Е.М. О загадочных знаках Северного Причерноморья. *ВДИ* 1, 112–115.
- Schleiermacher, M. 1993: Die römischen Fibeln von Kempten–Cambodunum. *Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte* A. 63, 11–52.
- Solomonik, E.I. 1983: *Latinskie nadpisi Khersonesa Tavricheskogo* [*Latin Inscriptions of Tauric Chersonesos*]. Moscow.
- Соломоник, Э.И. *Латинские надписи Херсонеса Таврического*. М.
- Sumner, G. 2003: *Roman Military Clothing (2), AD 200–400*. Oxford.
- Turovskiy, E. Ya., Gorbato, V.M. 2013: *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel* [*The Coins of Ancient and Medieval Chersonesos. Catalog-Identifiser*]. Simferopol.
- Туровский, Е.Я., Горбатов, В.М. *Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель*. Симферополь.
- Vinogradov, Yu.G., Zubar, V.M., Antonova, I.A. 1999: [*Schola principalium* in Chersonesos]. *Numizmatika i epigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] 16, 72–81.
- Виноградов, Ю.Г., Зубарь, В.М., Антонова, И.А. *Schola principalium* в Херсонесе. *НЭ* 16, 72–81.
- Vuyovich, M. 2003: [Late Roman belt Phalerae from the territory of Serbia]. In: N. Tasich (ed.), *Rad Dragoslava Sreyovicha na istrazhivanu antichke arkheologije* [*The Work of Dragoslav Srejevich on the Research of Ancient Archaeology*]. Kragujevac, 211–223.
- Вујовић, М. Касноримске појасне фалере на тлу Србије. В сб.: Н. Тасић (ур.), *Рад Драгослава Срејовића на истраживању античке археологије*. Крагујевац, 211–223.
- Waldhauer, O.F. 1914: *Imperatorskiy Ermitazh. Antichnyye glinyanye svetil'niki* [*The Imperial Hermitage. Ancient clay lamps*]. Saint Petersburg.
- Вальдгауер, О.Ф. *Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники*. СПб.
- Wilson, T. 1896: *The Swastika, The Earliest Known Symbol, and Its Migrations with Observations on the Migration of Certain Industries in Prehistoric Times*. Washington, D.C.
- Winter, H. 1982: Römische Hakenkreuzfibeln von österreichischen Fundstellen aus Privatbesitz. *Römisches Österreich* 9/10, 235–251.
- Zhuravlev, D. 2002: *Terra sigillata* and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a short bibliographical survey). *Ancient civilizations from Scythia to Siberia* 8, 3–4, 237–309.

- Zhuravlev, D. 2014: Hellenistic Pergamene tableware in the northern Black Sea region. In: H. Meyza, K. Domzalski (eds.), *Late Hellenistic to Mediaeval Fine Wares of the Aegean Coast of Anatolia: Their Production, Imitation and Use*. Warsaw, 129–150.
- Zhuravlev, D.V. 2015a: [Hellenistic Pergamene table ware in the Northern Black Sea Region (short review)]. *Problemy istorii, filologii i kultury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 190–215.
Журавлев, Д.В. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор). *ПИФК* 1, 190–215.
- Zhuravlev, D.V. 2015b: [Bronze statuettes from the necropolis Belbek IV in the South-Western Crimea]. *Bosporские issledovaniya* [*Bosporan Studies*] XXXI, 276–286.
Журавлев, Д.В. Бронзовые статуэтки из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *БИ* XXXI, 276–286.
- Zubar', V.M. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Oчерki voenno-politicheskoy istorii* [*Tauric Chersonesus and the Roman Empire. Essays on Military-Political History*]. Kiev.
Зубарь, В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.
- Zubar', V.M. 1998: *Severnyy Pont i Rimskaya imperiya* [*Northern Pontus and the Roman Empire*]. Kiev.
Зубарь, В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев.